

чтобы что-то уж очень увлекательное и неизведанное, но все же... Если представить себе, что театр — это человек, то, наверное, нетрудно вообразить, что порог пятого десятка он переступает с тем же настроением, что и мы.

В передаче Екатерины Уфимцевой “Современник”: сорок лет спустя”, показанной по ОРТ, отсутствовал ведущий, что, с одной стороны, для передачи подобного типа странно, с другой же, как выяснилось, абсолютно закономерно, потому что людям, проводившим вместе значительную часть жизни, не нужны вопросы и ответы, а нужно просто насладиться свободой общения. Атмосфера то возникала, совершенно стихийно, то исчезала, хотя судя по финальным кадрам, явно как-то задумывалась. На первый план вышли воспоминания о розыгрышах, на которые были так щедры молодые артисты; очень смешные эпизоды из начала актерской биографии Константина Райкина, Авангарда Леонтьева; вышучивание “доброго духа” театра Раисы Викторовны. И — память о тех незабываемых ночах, что после сыгранного спектакля не могли заставить артистов расстаться, а влекли их и их друзей в чьи-то дома, кухни, где до утра порой продолжались разговоры, разговоры, разговоры...

Сначала все были немножко скованны, потом клубок воспоминаний начал разматываться, и вот уже они заговорили, засмеялись все вместе, перебивая, пытаясь перекричать друг друга, потому что оживало то, что было для них самым важным, самым сущностным, потому что все, случившееся за сорок лет, как-то невольно меркло за яркими красками памяти о начале, когда они были молоды, отважны и строили свой театр. Театр, определивший во многом и нашу жизнь, если и не на протяжении всех сорока лет, то, по крайней мере, на полтора-два десятилетия.

Не знаю, каков был сценарий, но он явно

обстоятельств, сложившихся так, а не иначе. Каждый, кто не с отвращением листает страницы собственной жизни, а с трезвым ощущением наблюдающего за струйками в песочных часах — так течет вечность, и ничто не может оставаться неизменным, и ничто не может проходить без следа.

А потом Ефремов просто предложил вернуться в атмосферу воспоминаний о розыгрышах и шутках юности. И снова был прав. И когда замелькали на экране молодые лица Олега Даля, Евгения Евстигнеева, Петра Щербакова, Нины Дорошиной, Лилии Толмачевой, Галины Волчек, Игоря Кваши, самого Олега Николаевича, когда зазвучали, вернувшись к нам болью и радостью молодые слова о будущем театра, — стало немножко грустно, как бывает всегда, когда смотришь на старые фотографии или кадры. Стало хорошо, как бывает всегда, когда видишь любимые лица, пусть постаревшие, но оставшиеся с нами свидетельством того, что от прошлого не отрекаются, каким бы оно ни было. Спасибо, Олег Николаевич, за то, что вы так спокойно и мудро относитесь к жизни. Хотя бы для нас, сидящих у телевизора.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.

Спасибо, Олег Николаевич!

ломался — было очевидно, что в передаче царит импровизация, та пленительная и вдохновенная стихия, когда прошлое оживает само по себе. Но у передачи все же был автор, ведущий, и наступил момент, когда он (в данном случае, она) решил придать стихийной атмосфере положенное русло.

Олегу Николаевичу Ефремову внезапно, среди всеобщей расслабленности воспоминаниями, был задан вопрос: жалеет ли он о том, что ушел из “Современника” во МХАТ?

Бывают какие-то мгновения, когда что-то ощущается нервами, кожей, когда от взгляда человека, от его внутреннего напряжения, от невысказанного, но пульсирующего где-то в зрачках состояния, что-то может вдруг случиться в тебе, стороннем наблюдателе, хотя, строго говоря, коль скоро речь идет о таком театре, как “Современник”, сторонних слишком мало. Мне трудно сформулировать это более точно, чем сделал некогда Курт Воннегут: “Такова структура момента...” И именно эта структура этого момента может враз утвердить или опровергнуть твоё ощущение данной личности или ситуации, сложившееся не сегодня, не сейчас.

Какое-то секундное напряжение повисло и среди тех, кто уютно расположился за столиками, празднуя юбилей “Современника”, и, думаю, в телезрительской аудитории. Это была секунда, может быть, доли секунды... и резко, твердо прозвучал ответ Ефремова: “Нет”. И — более мягкое, более спокойное второе “нет”, на следующий вопрос: думал ли Олег Николаевич когда-нибудь о возвращении в “Современник”.

Структура момента изменилась, что-то произошло на наших глазах, с нашим участием, как будто. Впрочем, это уже ощущение сугубо индивидуальное, мое, на обобщения не притязающее.

Олег Ефремов предпочел “отстать от моды”. Не впервые отвечая на этот вопрос, он вновь ответил на него резко и однозначно, в телевизионном крупном кадре возник крупный план личности, иначе это не назовешь. Даже сегодня, когда только ленивый не пересматривает свое прошлое и не пытается публично пересчитать свои потери и поражения. Не могу внятно объяснить, насколько дорог для меня этот ответ Олега Николаевича. Наверное, потому, что сегодня структура момента такова, что на вес золота ценится каждый, кто не плюет с отвращением на свой выбор, сделанный когда-то; выбор, сделанный сознательно и навсегда, пусть и под давлением минуты или

Экран и сцена.
1996.-1-15 апр.-
с. 6.

С

орокалетье “Современника” отмечалось в этом году без пышности, но радостно и достойно, как подобает этому возрасту у человека. Прожит

большой кусок жизни, впереди не сказать,